

Поэтосфера дачи в творчестве В.В. Маяковского

© 2022, Н.В. Михаленко

Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук, Москва, Россия

Благодарности: Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00051.

Аннотация: В раннем творчестве В.В. Маяковского образы усадьбы и дачи обычно интерпретировались в юмористическом ключе, были связаны с ушедшей в прошлое дворянской жизнью. Однако именно в Куоккале, Левашово под Петроградом поэтом были написаны значительные части поэм «Облако в штанах» и «Мистерия-буфф». Дачная жизнь в подмосковном Пушкино вместе с Л.Ю. и О.М. Бриками летом 1920–1929 гг. также способствовала творчеству. Это место упомянуто в заглавии «Необычайного приключения...», там разворачиваются события этого произведения, сюжеты стихов «Отношение к барышне», «Гейнеобразное», «Дачный случай» и др. связаны с летним времяпрепровождением. Отдельные главы поэмы «Хорошо!» впервые были прочитаны именно на даче летом 1927 г. На материале записных книжек поэта № 8 (январь–май 1921 г.) и № 15 (январь–июнь 1922 г.), предоставленных Государственным музеем В.В. Маяковского, в статье рассматривается работа над стихами 1920 г. и поэмой «Пятый Интернационал», наиболее ярко отразивших особенности дачного быта поэта. Фрагменты текстов записных книжек публикуются впервые.

Ключевые слова: В.В. Маяковский, Л.Ю. Брик, Пушкино, «Необычайное приключения, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче», записные книжки Маяковского № 8, 15.

Информация об авторе: Наталья Владимировна Михаленко — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6200-6211>

E-mail: rinsan-tin@rambler.ru

Для цитирования: Михаленко Н.В. Поэтосфера дачи в творчестве В.В. Маяковского // Литературный факт. 2022. № 3 (25). С. 233–251. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-25-233-251>

Дачная тема в творчестве В.В. Маяковского еще мало изучена, хотя именно в Подмоскowie им были написаны многие произведения, происходило общение поэта с другими деятелями литературы и искусства. Свидетельством кропотливой литературной работы Маяковского даже в летнее время стали его записные книжки.

Отношение к размеренной усадебной, дачной жизни в период расцвета футуризма у Маяковского было отрицательным. Так, 7 мая 1913 г. во время выступления в «Обществе свободной эстетики» на чествовании Бальмонта он высказался очень резко:

— Когда вы, — говорит он, — начнете знакомиться с русской жизнью, то вы столкнетесь с нашей голой ненавистью. В свое время и нам были близки ваши искания, ваши плавные, мерные, как качалки и турецкие диваны, стихи. Вы пели о России — отживающих дворянских усадьбах и голых, бесплодных полях. Мы, молодежь, поэты будущего, не воспеваете всего этого. Наша лира звучит о днях современных. Мы слитны с жизнью. Вы восходили по шатким, скрипящим ступеням на древние башни и смотрели оттуда в эмалевые дали. Но теперь в верхних этажах этих башен приютились конторы компаний швейных машин, в эмалевых даях совершаются «звездные» пробеги автомобилей [14].

В автобиографии «Я сам» жизнь в Куоккале под Петроградом летом 1915 г. он также описал в ироническом ключе:

Семизнакомая система (семипольная). Установил семь обедающих знакомств. В воскресенье «ем» Чуковского, понедельник — Евреинова и т. д. В четверг было хуже — ем репинские травки. Для футуриста ростом в сажень — это не дело. Вечера шатаюсь пляжем. Пишу «Облако». <...> Поехал в Мустамяки. М. Горький. Читал ему части «Облака». Расчувствовавшийся Горький облакал мне весь жилет. Расстроил стихами. Я чуть загордился. Скоро выяснилось, что Горький рыдает на каждом поэтическом жилете [10, с. 23].

О тяжелой и плодотворной работе Маяковского над поэмой «Облако в штанах» так писал К.И. Чуковский:

Это продолжалось часов пять или шесть — ежедневно. Ежедневно он исхаживал по берегу моря 12–15 верст. Подошвы его стерлись от камней, нанковый синеватый костюм от морского ветра и солнца давно уже стал голубым, а он все не прекращал своей безумной

ходьбы. <...> Каждый вечер, придумав новые строки, Маяковский приходил ко мне, или к Кульбину, или к художнику Пуни и делился своей новой продукцией. Иногда — в течение недели ему удавалось создать семь или восемь стихов, и тогда он жаловался, что у него —

Тихо барахтается в тине сердца

Глупая вобла воображения.

Иногда какая-нибудь рифма отнимала у него целый день, но зато, записав сочиненное, он уже не менял ни строки. Записывал он большей частью на папиросных коробках... [15, с. 285–286].

Вынужденная жизнь летом 1918 г. в Левашово под Петроградом из-за вспышки холеры в городе, вероятно, способствовала тому, что Маяковский смог сосредоточиться на написании «Мистерии-буфф». Как вспоминала Л.Ю. Брик,

кормили каждый день соленой рыбой с сушеным горошком. Хлеб и сахар привозила из города домработница Поля. Поля пекла хлеб в металлических коробках из-под бормановского печенья «Жорж» — ржаной, заварной, вкусный. Ходили за грибами. Грибов много, но одни сыроежки, зато красивые, разноцветные. Отдавали на кухню жарить. По вечерам играли в карты, в «короля»... Между пейзажами, «королем», едой и грибами Маяковский читал нам только что написанные строчки «Мистерии». Читал весело, легко. Радовались каждому отрывку, привыкли к вещи, а в конце лета неожиданно оказалось, что «Мистерия-буфф» написана и что мы знаем ее наизусть [1, с. 134].

Здесь Маяковский рисовал пейзажи, играли в карты на фанты.

В дальнейшем Маяковский вместе с Бриками в 1920–1929 гг. снимали на лето дачу в Пушкино¹. К этому подмосковному месту поэт относился очень тепло. В телеграмме из Евпатории Лиле Брик он писал так: «“Скучаю беспокоюсь. Телеграфируй немедленно Евпатория Дюльбер. Около 15 обязательно приеду отдыхать лучший курорт Пушкино. Целую” Твой Счен» (31 июля 1928 г.) [16, с. 174].

В стихотворении «Дачный случай» (1928), которое начинается иронической строкой («Я нынешний год / проживаю опять / в уже / классическом Пушкино» [7, с. 332]), поскольку эта местность была описана Маяковским в «Необычайном приключении...» (1920), так характеризуется дачный быт:

¹ См. об этом подробно: [13].

Цветов
детвора
обступает меня,
так называемых —
лютиков.
Вверху
зеленеет
березная рядь,
и ветки
радугой дуг... [7, с. 332–333].

О простом дачном быте и неизменном гостеприимстве Маяковского и Бриков сохранилось множество свидетельств. Так, В.А. Катанян вспоминал о посещении этого дома в 1927 г.:

Дача обыкновенная, подмосковная, двухэтажная, посередине участка. В саду стояли березы, росли грибы, гости играли в городки. На террасе обедали, разговаривали, играли в новую игру — пинг-понг. И слушали стихи. Комната Маяковского, угловая, выходила одним окном на террасу, другим в сад. Это только дачный ночлег. Ничего не то что лишнего, но и вообще почти ничего. Тахта, небольшой стол, на столе кожаный бювар, который он носил вместо портфеля, револьвер Байард, бритва, две очень хорошие фотографии Ленина и несколько книг. Что это были за книги? По всей вероятности те, которые нужны были ему тогда в работе над поэмой, те самые, из которых добывались, как говорит автобиография, — «для перебивки планов факты различного исторического калибра» [5, с. 285–286].

Рита Райт в своих воспоминаниях отмечала дружескую атмосферу на даче в Пушкино, хлебосольство хозяев:

Бедная старая Аннушка каждое воскресенье за утренним чаем, сокрушенно вздыхая, спрашивала: — Сколько же их приедет к обеда-то? На что Маяковский неизменно отвечал: — А вы сделайте всего побольше, на всякий случай, — а потом добавлял, ни к кому не обращаясь: — Кажется, я вчера всех звал, кого видел, — человек двадцать [13, с. 272].

Здесь царил творческая атмосфера, Маяковский читал близким друзьям свои новые произведения. Летом 1927 г. Маяковский начал писать поэму «Хорошо!». Н.А. Брюханенко вспоминала, что он

постоянно, даже по пути на дачу, повторял строки, старался найти наиболее точные слова:

Я помню, когда мы ехали в поезде из Пушкино, Маяковский всю дорогу твердил, негромко, но выразительно, все одни и те же строчки —

И над белым тленом,
как от пули падающий,
на оба

колена

упал главнокомандующий.

Он как бы примеривал их в чтении, — и только после записывал в книжку [2, с. 180].

Катанян вспоминал, как именно в Пушкино впервые услышал главы из поэмы «Хорошо», над которой поэт в то время работал (лето 1927 г.):

Маяковский читал стихи. Это была четвертая глава будущей поэмы «Октябрь» — о Милюкове и Кусковой. Потом он прочел шестую, где описан день 25 октября и взятие Зимнего. <...> Итак, Маяковский прочел тогда две главы... Это было одно из первых чтений (если не самое первое), одно из тех, о которых он как-то заметил в письме: «вполголоса и одиночкам». Да, народу было совсем немного. Слушавшие не были специально для этого созданы [5, с. 285].

Своеобразная манера создания поэтических произведений во время прогулки стала частью и дачного быта Маяковского. Вместе с Л. Брик они «много гуляли, собирали грибы. Грибов в те годы было много, и они составляли большое подспорье в еде. Во время прогулок поэт был неразговорчив, думая о своем или сочиняя. Лиля сначала обижалась, потом поняла его» [4, с. 54].

Над текстами к плакатам РОСТА, куда Маяковский почти ежедневно ездил, он часто работал в электричке — по пути в Москву или возвращаясь на дачу, что отразилось в записных книжках 1920–1921 гг. Например, наряду с автографами текстов будущих плакатов в записной книжке № 8 (январь–май 1921 г.) сохранилось и расписание пригородных поездов² (См. об этом подробнее — [11]).

² Расписание поездов из Москвы в Пушкино и обратно есть и в записной книжке № 25 (конец весны – лето 1924 г.).

Реалии дачного времяпрепровождения отразились в творчестве поэта, письмах, записных книжках. Об этих местах он писал в стихотворениях «Отношение к барышне» (1920), «Гейнеобразное» (1920), «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче» (1920), «Мы отдыхаем» (1928), «Дачный случай» (1928), поэме «Пятый Интернационал» (1922). Рассмотрим, пользуясь материалами записной книжки № 5 (январь — август 1920 г.), как рождались стихи, написанные летом 1920 г. и связанные с пребыванием поэта в Пушкино.

Стихи «Отношение к барышне» созданы не позднее июля 1920 г. Л. Брик так рассказывала об истории появления этих стихов:

Лирические стихи, написанные этим «ростинским» летом в Пушкине, Маяковский сочинял, гуляя по вечерам вдоль лесной опушки и где-то на дачных улицах. Недалеко от домика Румянцева в настоящей большой даче жили две сестры-дачницы. Обе хорошенькие. И на той же, кажется, улице — красивая рыженькая девушка. О младшей из сестер и о рыженькой написаны «Отношение к барышне» и «Гейнеобразное». Маяковский собирался написать цикл таких стихов, но пора было уезжать [1, с. 56].

Если сравнить черновую запись этого стихотворения с окончательным вариантом, то можно заметить, что в записной книжке № 5 Маяковский несколько завуалировал чувства лирического героя. В итоговый текст он не включил описание страстного взгляда («Тонелем любви мутнели / Глаза темнотою шли...»), эмоциональной оценки состояния («Не удержишься...»). Личное «души моей крут обрыв» было заменено на обобщенное «страсти крут обрыв». Вероятно, работу над стихотворением Маяковский начал со второй части, с части-парадокса, где герой прекращает общение с барышней, наставляя ее «как добрый родитель».

Таблица 1 – Отношение к барышне (1920)
Table 1 – Attitude towards the young lady (1920)

Записная книжка	Окончательный текст
<p>Л. 14. Тонелем любви мутнели Глаза темнотою шли Не удержишься \и/ еле еле наклонился я и лишь</p>	<p>Этот вечер решал — не в любовники выйти ль нам? — темно, никто не увидит нас.</p>

<p>Я сказал \говорю/ ей как добрый родитель любви страсти Души моей крут обрыв Будьте добры отойдите отойдите будьте добры</p> <p>Л. 14 об. этот вечер решал не любовниками выйти ль нам Никто не видит нас И я наклонился действительно И действительно я наклонясь</p>	<p>Я наклонился действительно, и действительно я, наклонясь, сказал ей, как добрый родитель: «Страсти крут обрыв — будьте добры, отойдите. Отойдите, будьте добры» [6, с. 139].</p>
---	---

Вероятно, и стихотворение «Гейнеобразное» (конец июля – начало августа 1920 г.), Маяковский писал, начиная с экспрессивного образа «гремения», «молний» возлюбленной, а дальше выстраивал всю историю. Для повышения эмоционального накала дистантное «вы» в стихах он заменил на более близкое «ты». Можно предположить, что передать переживания героини он хотел с помощью эмоциональной градации — от описания ее шока, невозможности произнести ни слова, поэтому первым на Л. 24 об. и записано слово «немая», до «грома» и крика. Поскольку, по свидетельству Л. Брик, Маяковский хотел продолжить цикл таких дачных стихов, возможно, были бы написаны еще сценки, раскрывающие взаимоотношения возлюбленных.

Таблица 2 – Гейнеобразное (1920)

Table 2 – Heine-like (1920)

Записная книжка	Окончательный текст
<p>Л. 24 об. немая Не надо ни слова я все понимаю Остановитесь милая Гремения прекратите ваши Если молнией меня не убило</p>	<p>Молнию метнула глазами: «Я видела — с тобой другая. Ты самый низкий, ты подлый самый...» — И пошла, и пошла, и пошла, ругая.</p>

а была завершена до 26 июля, что подтверждается местоположением стихотворения в записной книжке и временем публикации «III Интернационала», черновик которого расположен после «Необычайного приключения...». Однако такое уточнение даты, возможно, связано и со стремлением поэта создать образ нестерпимой жары, тяжелой работы солнца. Если в черновом варианте на Л. 3 были слова «ходи рисуй плакаты», то в окончательной версии — «сиди рисуй плакаты». По многим воспоминаниям современников, Маяковский писал стихи в движении, например, расхаживая по комнате. Вероятно, такой способ работы над текстом и отразился в виде первоначально написанного глагола «ходи», а потом поэт внес коррективы, делая образ более понятным.

Строки «Устанет то, / и хочет ночь / прилечь / тупая сонница. / Вдруг — я / во всю светаю мочь — / и снова день трезвонится» (Л. 8 об) были записаны раньше, чем описание дружеского общения с солнцем (Л. 9 — «Гремели \Болтали/ так до темноты / до бывшей ночи то есть / Какая тьма уж тут на ты / мы с ним совсем освоюсь...»). Вероятно, центральный образ чередования дневного и ночного светила (солнце — поэт) появился раньше и, исходя из него, поэт продумывал сюжет разговора с солнцем.

Вариантами строк «Стена теней, / ночей тюрьма / под солнц двустволкой пала» (Л. 10) в записной книжке были — «Громите тень и ночь тюрьму», «Сметя долгов и чувств тюрьму». В окончательный текст вошла строка, создающая образ окончательной победы поэта и солнца, тогда как глагол несовершенного вида «громите», несмотря на его повелительную форму, не передавал этого значения. Вероятно, как очень личная была отброшена и строка «Сметя долгов и чувств тюрьму».

В окончательный текст не вошла последняя часть стихотворения, записанная на Л. 11 («Иду горю что силы / есть / Чтоб не отстать от / друга / Какое счастье в / В душу влезть / Просолнить сердце / лугом»), где поэт, как и солнце, начинает «гореть», его сердце наполняется светом. Здесь лирический герой изображен уже не на даче, беседующим со светилом, а идущим по лугу, своим движением, вероятно, повторяющим солнечный путь. Эти строки в окончательный текст не вошли, возможно потому, что добавляли некоторой сентиментальности, лиричности в поэтический лозунг.

Л. 2 об.

Пожалуйста люби
меня, а то мне
очень грустно!
Во первых и мне
от того же
Во вторых люблю
щен.

Л. 3.

И так однажды разозлясь
что *в шуме* все поблекло
в упор я крикнул солнцу
слазь

Довольно шляться в пекло
Я крикнул солнцу дармод
Занежен в облака ты
А я не знай ни зим ни лет
Ходи рисуй плакаты

Л. 3 об.

Без записей

Л. 4

Я крикнул солнцу погоди
Послушай златолобо
Чем так без дела заходить
Ко мне на чай зашло бы
Что я наделал я погиб
Слова с ума сошел погиб
Ко мне по доброй воле
Сверльнули мысль до боли
само зставив
~~Ко мне~~ раскинув луч шаги
Шагает солнце в поле

Л. 4 об

Без записей

Л. 5.

Хочу испуг не показать
и ретируюсь за дом

Я крикнул солнцу:
«Дармод!
занежен в облака ты,
а тут — не знай ни зим, ни лет,
сиди, рисуй плакаты!»
Я крикнул солнцу:
«Погоди!
послушай, златолобо,
чем так,
без дела заходить,
ко мне
на чай зашло бы!»
Что я наделал!
Я погиб!
Ко мне,
по доброй воле,
само,
раскинув луч-шаги,
шагает солнце в поле.
Хочу испуг не показать —
и ретируюсь задом.
Уже в саду его глаза.
Уже проходит садом.
В окошки,
в двери,
в щель войдя,
валилась солнца масса,
ввалилось;
дух переведа,
заговорило басом:
«Гоню обратно я огни
впервые с сотворенья.
Ты звал меня?
Чай гони,
гони, поэт, варенье!»
Слеза из глаз у самого —
жара с ума сводила,
но я ему —
на самовар:
«Ну что ж,
садись, светило!»

<p>Но всеж идеш<ь> взялось ИТТИ Идешь и светишь в оба</p> <p>Л. 8 об. Устанет то И хочет ночь Прилечь тупая сон- ница Вдруг \Как/ я во всю светаю мочь И снова день трезвонится</p> <p>Л. 9. Гремели \Болтали/ так до темноты до бывшей ночи то есть Какая тьма уж тут на ты мы с ним совсем освоюсь И вскоре дружбы не тая Бью по плечу ево я А солнце басом ты да я Теперь <u>таких</u> \всего/ нас двое</p> <p>Л. 9 об.2^{5a} 2300 / 28 227/82 760 56 _____ 82 7 _____ 784</p> <p>Л. 10. Пойдем поэт взорим воспоем У мира в мут \сером/ хламе Я буду солнце лить свое А ты свое стихами</p>	<p>а ты — свое, стихами». Стена теней, ночей тюрьма под солнц двуствошкой пала. Стихов и света кутерьма — сияй во что попало! Устанет то, и хочет ночь прилечь, тупая сонница. Вдруг — я во всю светаю мочь — и снова день трезвонится. Светить всегда, светить везде, до дней последних донца, светить — и никаких гвоздей! Вот лозунг мой — и солнца! [7, с. 143–146]</p>
---	---

^{5a} В записной книжке запись перевернута: Маяковский перевернул всю книжку, когда ее делал.

*Громите тень и ночь тюрьму
Смета долгов и чувств тюрьму
[Земля довольна
Среди Вселенной бала
Взметаем солнца кутерьму
Смесь во что попало]*

Л. 10 об.

*Светить и никаких гвоздей
<неразб.>
Стена теней \ночей/ теней тюрьма
Под солнц двустволкой
Пала
Лучей и света кутерьма
Палим во что попало*

Л. 11.

*Иду горю что силы
есть
Чтоб не отстать от
друга
Какое счастье в
в душу влезть
Просолнить сердце
лугом*

Стихотворение «Портсигар в траву ушел на треть...» связано с лесными прогулками поэта и его интересом к жизни муравейника («И как крышка / блестит, / наклонились смотреть / муравьишки всяческие и травишка» [7, с. 141]). Как писала Л. Брик,

в то лето Маяковский увлёкся муравьями. Подолгу сидел над муравьиной кучей и наблюдал, чем занимаются муравьи коллективно и индивидуально. Как-то, нагнувшись над муравьями, он выронил из кармана в траву свой серебряный портсигар. Муравьи пришли в неопишуемое волнение. Маяковский был в восторге от учиненного им переполоха и утверждал, что муравьи в первый раз увидели дело рук человеческих, и даже они поняли, что «это вам не природа» [1, с. 70]. Этот случай и стал основой сюжета стихотворения.

В записной книжке № 15 (январь–июнь 1922 г.) есть черновой автограф строк 126–150 из поэмы «Пятый Интернационал», описывающих будущий утопический вид поселка «Пушкино» (Л. 8). В черновом варианте поэт предполагал, что «станция увеличилась раза в четыре минимум», а в окончательный текст вошло ее десятикратное увеличение, появилась крестьянская техника — тракторы. Если в черновом варианте были обозначены названия окрестных сел («Акуловка / Чанчикова»), то позднее от такой конкретики он отказался, а ввел прозаический фрагмент (риторический вопрос), описывающий трудности жизни в Пушкино («Вы бывали в Пушкине (Ярославская ж. д.) так в 1925–30 году? Были болота. Пахалось невесть чем. Крыши — дыры. Народ крошечный. А теперь!» [10, с. 110]).

Таблица 4 – «Пятый Интернационал»
Table 4 – “The Fifth International”

Записная книжка	Окончательный текст
П У станции десятки линий Как не путаются не вмещается ум <i>Станция увеличилась раза в четыре минимум</i> I <i>Акуловка</i> <i>Чанчикова</i> и прочие села Крыши железные Народ веселый	В красных, в зеленых крышах сёла! Тракторы! Сухо! Крестьянин веселый! У станции десятки линий. Как только не путаются — не вмещает ум. <i>Станция помножилась на 10 — минимум</i> [10, с. 110–111].

Анализ поэтосферы дачи в творчестве В.В. Маяковского связан с реалиями его жизни в Левашово и Куоккалой под Петроградом, Пушкино рядом с Москвой. Воспоминания родных и друзей помогают восстановить приметы дачного быта, особенности времяпрепровождения Маяковского летом, проанализировать, что становилось темой его стихов. Записные книжки, в которые он заносил черновые наброски, адреса, фрагменты писем, раскрывают творческую лабораторию поэта, по ним можно проследить рождение того или иного образа, связанного с жизнью на даче.

Литература

1. Брик Л.Ю. Пристрастные рассказы: Воспоминания, дневники, письма. Н. Новгород: Деком, 2003. 324 с.
2. Брюханенко Н.А. Пережитое // Имя этой теме: любовь!: Современницы о Маяковском / [сост., вступ. ст., коммент. В.В. Катаняна]. М.: Дружба народов, 1993. С. 180–187.
3. Зименков А.П. «Необычайное приключение...» В. Маяковского в текстологическом ракурсе // Текстологический временник. Русская литература XX века. Вопросы текстологии и источниковедения / отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 291–302.
4. Катанян В.В. Лиля Брик: Жизнь. М.: Захаров, 2002. 287 с.
5. Катанян В.А. О некоторых источниках поэмы «Хорошо!» // Новое о Маяковском. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. I. С. 285–324.
6. Маяковский В.В. Полн. собр. произведений: в 20 т. М.: Наука, 2013. Т. 1: Стихотворения, 1912–1923 / подгот. Р.В. Дуганов, А.Т. Никитаев, А.П. Зименков, В.Н. Терехина; отв. ред. В.Н. Терехина. 612 с.
7. Маяковский В.В. Полн. собр. произведений: в 20 т. М.: Наука, 2014. Т. 3: Стихотворения, 1927 – первая половина 1928 / подгот. В.Н. Дядичев; отв. ред. В.Н. Терехина. 559 с.
8. Маяковский В.В. Полн. собр. произведений: в 20 т. М.: Наука, 2016. Т. 4: Стихотворения, вторая половина 1928–1930, стихи детям 1925–1929 / подгот. В.Н. Дядичев, А.П. Зименков, С.А. Коваленко, Т.А. Купченко, Н.В. Михаленко, В.Н. Терехина; отв. ред. В.Н. Дядичев, А.М. Ушаков. 778 с.
9. Маяковский В.В. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955. Т. 1. Стихотворения, трагедия, поэмы и статьи 1912–1917 годов / подгот. текста и примеч. В.А. Катаняна. 1955. 464 с.
10. Маяковский В.В. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1957. Т. 4: Стихотворения 1922 года, поэмы, агитлубки и очерки 1922–1923 годов / подгот. текста и примеч. В.А. Арутчевой и З.С. Паперного. 452 с.
11. Михаленко Н.В. О работе В.В. Маяковского над текстами к плакатам (по материалам записных книжек) // Литературный факт. 2022. № 2 (24). С. 37–53. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-24-37-53>
12. Панченков В.В. Дачные адреса Маяковского на Акуловой горе // Творчество В.В. Маяковского. М.: ИМЛИ РАН, 2020. Вып. 4. Кн. 2: Владимир Маяковский в контексте мировой культуры. С. 229–254.
13. Райт Р.Я. «Только воспоминания» // Маяковский в воспоминаниях современников. М.: Гослитиздат, 1963. С. 236–278.
14. Русское слово. 1913. 8 мая.
15. Чуковский К.И. Маяковский в пятнадцатом // Однодневная газ. ленингр. отд. ФОСП «Владимир Маяковский». 1930. 24 апреля.
16. Янгфельдт Б. Любовь — это сердце всего: В.В. Маяковский и Л.Ю. Брик. Переписка 1915–1930: Репринт. изд. М.: Книга, 1991. 287 с.

Research Article and Publication of Archival Documents

The Poetosphere of the Dacha in V.V. Mayakovsky's Works

© 2022. Natalia V. Mikhailenko

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Acknowledgements: The research was carried out in the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00051.

Abstract: In the early work of V.V. Mayakovsky, the images of the estate and the dacha were usually interpreted in a humorous way, associated with the bygone noble life. However, it was in Kuokkala, Levashovo near Petrograd, that the poet wrote significant parts of the poems “Cloud in pants” and “Mystery Buff.” Dacha life in Pushkino near Moscow together with L.Yu. and O.M. Brik in the summer of 1920–1929 also contributed to his creativity. This place is mentioned in the title of “An extraordinary adventure...”, the events of this work unfold there. The plots of the poems “Attitude to the young Lady,” “In the Heine way,” “Dacha Case” etc. are associated with a summer pastime. Individual chapters of the poem “Good!” were first read at the dacha in the summer of 1927. The materials of the poet's notebooks no. 8 (January–May 1921) and no. 15 (January–June 1922), provided by the V.V. Mayakovsky State Museum, form the basis of the research. The article examines the work on the poems of 1920 and the poem “The Fifth International,” which most vividly reflected the features of the poet's village life. Fragments of notebook texts are published for the first time.

Keywords: V.V. Mayakovsky, L. Y. Brik, Pushkino, “An extraordinary adventure that happened with Vladimir Mayakovsky in the summer at the dacha,” Mayakovsky's notebooks no. 8, no. 15.

Information about the author: Natalia V. Mikhailenko — PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6200-6211>

E-mail: rinsan-tin@rambler.ru

For citation: Mikhailenko, N.V. “The Poetosphere of the Dacha in V.V. Mayakovsky's Works.” *Literaturnyi fakt*, no. 3 (25), 2022, pp. 233–251. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-25-233-251>

References

1. Brik, L.Iu. *Pristrastnye rasskazy: Vospominaniia, dnevniki, pis'ma* [Biased Stories: Memoirs, Diaries, Letters]. N. Novgorod, Dekom Publ., 2003. 324 p. (In Russ.)
2. Briukhanenko, N.A. “Perezhitoe” [“Experienced”]. *Imia etoi teme: liubov'!: Sovremennitsy o Maiakovskom* [The Name of this Topic is Love!: Contemporaries about

Mayakovskiy], comp., introd., comment. by V.V. Katanian. Moscow, Druzhba narodov Publ., 1993, pp. 180–187. (In Russ.)

3. Zimenkov, A.P. “‘Neobychainoe prikluchenie...’ V. Maiakovskogo v tekstologicheskom rakurse” [“‘An Extraordinary Adventure...’ by V. Mayakovskiy in a Textual Perspective”]. Kornienko, N.V., editor. *Tekstologicheskii vremennik. Russkaia literatura XX veka. Voprosy tekstologii i istochnikovedeniia* [*Almanac for Textual Studies. Russian Literature of the 20th Century. Questions of Textual and Source Studies*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2009, pp. 291–302. (In Russ.)

4. Katanian, V.V. *Lilia Brik: Zhizn'* [*Lilya Brik: Life*]. Moscow, Zakharov Publ., 2002. 287 p. (In Russ.)

5. Katanian, V.A. “O nekotorykh istochnikakh poemy ‘Khorosho!’.” [“About Some Sources of the Poem ‘Good!’.”]. *Novoe o Maiakovskom* [*New about Mayakovskiy*], vol. I. Moscow, AN SSSR Publ., 1958, pp. 285–324. (In Russ.)

6. Maiakovskii, V.V. *Polnoe sobranie proizvedenii: v 20 t.* [*Complete Works: in 20 vols.*], vol. 1: Stikhotvoreniia, 1912–1923 [Poems, 1912–1923], ed. prep. by R.V. Duganov, A.T. Nikitaev, A.P. Zimenkov, V.N. Terekhina, ex. ed. V.N. Terekhina. Moscow, Nauka Publ., 2013. 612 p. (In Russ.)

7. Maiakovskii, V.V. *Polnoe sobranie proizvedenii: v 20 t.* [*Complete Works: in 20 vols.*], vol. 3: Stikhotvoreniia, 1927 – pervaiia polovina 1928 [Poems, 1927 – the First Half of 1928], ed. prep. by V.N. Diadichev, ex. ed. V.N. Terekhina. Moscow, Nauka Publ., 2014. 559 p. (In Russ.)

8. Maiakovskii, V.V. *Polnoe sobranie proizvedenii: v 20 t.* [*Complete Works: in 20 vols.*], vol. 4: Stikhotvoreniia, vtoraiia polovina 1928–1930, stikhi detiam 1925–1929 [Poems, the Second Half of 1928–1930, Poems for Children 1925–1929], ed. prep. by V.N. Diadichev, A.P. Zimenkov, S.A. Kovalenko, T.A. Kupchenko, N.V. Mikhalenko, V.N. Terekhina, ex. ed. V.N. Diadichev, A.M. Ushakov. Moscow, Nauka Publ., 2016. 778 p. (In Russ.)

9. Maiakovskii, V.V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 t.* [*Complete Works: in 13 vols.*], vol. 1: Stikhotvoreniia, tragediia, poemy i stat'i 1912–1917 godov [Poems, Tragedy, Long Poems and Essays of 1912–1917], text prep. and notes by V.A. Katanian. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1955. 464 p. (In Russ.)

10. Maiakovskii, V.V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 t.* [*Complete Works: in 13 vols.*], vol. 4: Stikhotvoreniia 1922 goda, poemy, agitlubki i ocherki 1922–1923 godov [Poems of 1922, Long Poems, Propaganda Campaigns and Essays of 1922–1923], text prep. and notes by V.A. Arutcheva and Z.S. Papernyi. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1957. 452 p. (In Russ.)

11. Mikhalenko, N.V. “O rabote V.V. Maiakovskogo nad tekstami k plakatom (po materialam zapisnykh knizhek)” [“On the Work of Vladimir Mayakovskiy with Poster Texts (According to his Notebooks)”]. *Literaturnyi fakt*, no. 2 (24), 2022, pp. 37–53. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-24-37-53> (In Russ.)

12. Panchenkov, V.V. “Dachnye adresa Maiakovskogo na Akulovoi gore” [“Country Addresses of Mayakovskiy on Akulovaya Gora”]. *Tvorchestvo V.V. Maiakovskogo* [*The Creativity of V.V. Mayakovskiy*], issue 4, book 2: Vladimir Maiakovskii v kontekste mirovoi kul'tury [Vladimir Mayakovskiy in the Context of World Culture]. Moscow, IWL RAS Publ., 2020, pp. 237–238. (In Russ.)

13. Rait, R.Ia. “Tol’ko vospominaniia” [“Only Memories”]. *Maiakovskii v vospominaniakh sovremennikov* [Mayakovsky in the Memoirs of Contemporaries]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1963, pp. 236–278. (In Russ.)

14. *Russkoe slovo*, 1913, 8 May. (In Russ.)

15. Chukovskii, K.I. “Maiakovskii v piatnadsatom” [“Mayakovsky in 1915”]. *Odnodnevnaia gazeta leningradskogo otdeleniia FOSP “Vladimir Maiakovskii,”* 1930, 24 April. (In Russ.)

16. Iangfel’dt, B. *Liubov’ — eto serdtse vsego: V.V. Maiakovskii i L.Iu. Brik. Perepiska 1915–1930* [Love is the Heart of Everything: V.V. Mayakovsky and L.Y. Brik. Correspondence in 1915–1930]. Moscow, Kniga Publ., 1991. 287 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 18.07.2022

Одобрена после рецензирования: 20.08.2022

Дата публикации: 25.09.2022

The article was submitted: 18.07.2022

Approved after reviewing: 20.08.2022

Date of publication: 25.09.2022